

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1941-1964

НА ПИКЕ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

**Марина Сванидзе
Николай Карлович Сванидзе
Погибель Империи. Наша
история. 1941–1964. На пике
Серия «История России. Хроники»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43443842

*Погибель Империи. Наша история. 1941–1964. На пике: АСТ; Москва;
2019*

ISBN 978-5-17-116783-7

Аннотация

История российского и советского XX века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах. На середину нашего XX века выпали самые трагические, жестокие, позорные, героические и славные события во всей нашей истории. Прежде всего они связаны с войной, которая до сих пор по разным причинам не даёт нам покоя. После войны – надежды на новую жизнь, которые были смяты и стёрты поздним Сталиным. Его смерть – шок для страны, повод для острой борьбы в верхушке партийного руководства и отход от системы массового террора. И наконец – время, которое позже получит название «оттепель». В этом слове и осуждение Сталина, и возвращение из лагерей, и новая поэзия, театр, музыка, и

полет Гагарина. Время новых иллюзий. В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

Содержание

1941	6
1942	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай Сванидзе,

Марина Сванидзе

**Погибель Империи. Наша
история. 1941–1964. На пике**

© Марина Сванидзе, Николай Сванидзе, текст

© ООО «Издательство АСТ»

1941

Все утро 22 июня 1941 года Константин Симонов писал стихи. До двух часов дня он не знал, что началась война. Он не подходил к телефону и не включал радио. Он не слышал и не мог слышать выступление Молотова, которое передавали в 12 часов 15 минут.

В 5.30 утра 22 июня Молотов встречался с германским послом Шуленбургом. Шуленбург сообщил, что германское правительство поручило ему передать следующую ноту: «Ввиду нетерпимой угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры».

Молотов спрашивает, что означает эта нота. Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны. Молотов говорит, что вблизи границы проходили обычные маневры. Если маневры были нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства.

До возвращения Молотова после встречи с Шуленбургом Сталин полагает, что германские действия – это провокация. Сталин говорит, что Гитлер наверняка не в курсе.

Агентурные сообщения о подготовке Германии к войне против СССР идут Сталину с сентября 1940 года. При этом советская разведка испытывает крайнее, иррациональное недоверие Москвы. Сталин не желает адекватно воспринимать информацию о приближающейся войне. Указываются направления основных будущих немецких ударов. Сообщается о формировании будущего административного управления оккупированной территорией СССР. Появляется дата вероятного нападения. Заместитель Берии Меркулов докладывает Сталину информацию, полученную от агента берлинской резидентуры под именем Старшина: «Все военные мероприятия Германии по подготовке выступления против СССР полностью закончены. Удар можно ожидать в любое время».

Сталин оставляет резолюцию:

«Тов. Меркулову. Можете послать ваш источник к е... матери. И. Сталин».

Когда Молотов 22 июня доложит о ноте, переданной германским послом Шуленбургом, Сталин спросит: «Что означает эта нота?» Молотов ответит: «Германское правительство объявило нам войну».

Молотов вспоминает:

«В тот день в горячке разговора, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к

оттору врагу».

Сталин говорит, что ему самому выступать рано. Пусть выступит Молотов.

После радиообращения Молотова Сталин ему скажет: «Правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они даже не знают точной обстановки. Просто удивительно, что такие крупные военачальники – и вдруг растерялись. Они должны сами отражать врага, не дожидаясь наших распоряжений, на то они и армия».

Распоряжений 22 июня ждать было бесполезно. В момент нападения Германии рухнул план, который Сталин вынашивал, лелеял, ради которого он пожертвовал ни много ни мало обороной государственных границ СССР. 22 июня рухнул сталинский план превентивного, предупреждающего удара по Германии, предполагавший исключительно наступательные действия на территории противника.

К весне 1941 года пакт Молотова – Риббентропа о разделе Восточной Европы между СССР и Германией исчерпывает себя. Очевидным становится столкновение интересов СССР и Германии на Балканах, в Финляндии, на Ближнем Востоке, в вопросе о проливах из Черного моря в Средиземное. Перевес все больше на стороне Германии. Плюс ее успех в Европе в 1940 году. Германская агрессия в отношении СССР неизбежна. Сталинская цель в этих новых условиях – удержать и расширить территориальные приобретения, сделанные в Европе в 1939–1940 годах. Наступательные военные действия

планируются в лучшем случае на 1942 год, в худшем – на 1943-й.

Для Сталина это продолжение имперской политики. При этом наступление на мир капитала вписывается в официальную коммунистическую идеологию. Кроме того, это наступление против агрессора, каковым является гитлеровская Германия. Это населению объяснить гораздо проще, чем необходимость договора о дружбе с Гитлером, в то время когда Гитлер уверенно оккупирует Европу.

Константин Симонов в комментариях к своим дневникам пишет: «Чем дальше фашисты шагали по Европе, тем больше чувство душевной стесненности вызывали у меня наши лояльные отношения с этими завоевавшими Европу людьми.

Вдруг промелькнувшее в газете сообщение ТАСС о противовоздушной обороне Лондона, в котором прозвучала нота сочувствия к оборонявшим свою столицу англичанам, было воспринято с обостренной радостью. Я говорю не только о себе. Хорошо помню, что это было общее чувство».

Для Сталина эти чувства населения – залог поддержки его амбициозного похода на Запад.

5 мая 1941 года Сталин выступил перед выпускниками военных академий, партийной и военной элитой. На прошедшем затем банкете в ответ на тост одного из генералов «За мирную сталинскую внешнюю политику» Сталин подает реплику: «Мы обязаны от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Красная Армия есть современ-

ная армия, а современная армия – армия наступательная».

Вслед за этим сталинским выступлением появляется план Жукова—Тимошенко—Василевского. Маршал Жуков по этому поводу в 1965 году скажет: «Идея предупредить Гитлера появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года. Конкретная задача была поставлена Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому Тимошенко и мне». Главный упреждающий удар должен быть нанесен на юго-западе. Германские войска отрезаются от Балкан, в первую очередь – от румынской нефти. Последующая задача – овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссией. Наконец – взятие Берлина.

Первая реакция Сталина на план Василевского—Жукова активно отрицательная. Он боится спровоцировать Германию и потерять инициативу. Затем Сталин меняет свое мнение. Именно в соответствии с планом упреждающего удара идет вся перегруппировка советских войск в начале лета 1941 года. Вплотную к границе передвигаются склады с горючим, боеприпасами и вооружением. На границе развертываются аэродромы. 22 июня первый удар германских люфтваффе будет нанесен именно по этим аэродромам. Новенькие «МиГи» даже не успеют подняться в воздух. За первые восемь часов войны будут потеряны 1200 самолетов. 900 из них – прямо на земле. Свою войну Сталин планировал на 1942 год. В 1941-м Сталин не готов ни к наступлению, ни к обороне. В 1941-м Гитлер обходит Сталина на повороте.

С началом войны в первую очередь из строя выходит система связи. Ни одного подземного узла связи нет. Сталин и Жуков связываются с фронтами через центральный телеграф на улице Горького. Одна бомбежка могла лишить Сталина вообще всякой информации.

23 июня Симонов командирован в армейскую газету. Вечером того дня он в Наркомате обороны. Получил документы и обмундирование. В дневнике Симонов пишет:

«Шинель была хорошо пригнана, ремни скрипели, и мне казалось, что вот таким я всегда и буду. Не знаю, как другие, а я в эти первые два дня настоящей войны был наивен, как мальчишка».

Уже известному поэту, драматургу и журналисту Константину Симонову в 1941 году двадцать пять лет.

Симонов ведет дневник все годы войны. Это нечастое явление. Дневники на фронте, особенно в первую половину войны, запрещены. Симонов знает об этом, дневник хранит в сейфе у главного редактора газеты «Красная звезда», своего друга Давида Ортенберга.

В 1943 году секретарь Московского комитета партии Щербаков закажет Симонову сценарий фильма о Москве 1941 года. Симонов хотел, чтобы фильм ставил режиссер Пудовкин. Он дал Пудовкину почитать свой дневник 1941 года. Пудовкин сказал, что специальный сюжет не нужен, он будет делать фильм на основе симоновских дневников. Они вместе написали сценарий, назвали его «На старой Смолен-

ской дороге». Сценарий в высоких инстанциях зарубили.

В начале 60-х к дневниковым записям, составившим книгу «100 суток войны», Симонов напишет комментарии. В них будет дополнительная информация. Они отразят более поздние симоновские взгляды. Дневниковый текст Симонов оставит неизменным. Эмоциональным и кинематографичным. Из первых рук первые дни и месяцы большой войны.

24 июня Симонов уезжает из Москвы в Минск. В Москве вечером абсолютно темно. На вокзале где-то горят синие лампочки. Симонов пишет:

«Первые признаки неразберихи и беспорядка. Черный вокзал, толпы людей, непонятно, когда, куда и какой идет поезд. Какие-то решетки, через которые не пускают. Вагоны в поезде на Минск неизвестно почему дачные».

Симонов продолжает:

«В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Казалось, что половина Западного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось. Впрочем, не понимаю этого и до сих пор».

26 июня Симонов сошел с поезда в городе Борисове. Дальше, к Минску, поезда уже не идут.

Симонов пишет:

«Три часа метались по городу в поисках какой-нибудь власти. После долгих поисков мы с

артиллерийским капитаном поймали пятитонку и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство.

Над городом крутились самолеты. Была отчаянная жара и пыль. Возле госпиталя я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок.

По дороге шли какие-то войска и машины. Одни в одну сторону, другие – в другую. Ничего нельзя было понять. Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Я плюхнулся в пыль, в придорожную канаву. В городе уже была паника. По городу шли и бежали неизвестно куда какие-то люди. За городом по пыльной дороге на восток шли машины. Двигались пешком люди. Теперь все направлялись только в одну сторону – на восток.

С запада на восток вдоль дороги шли женщины, дети, старики, девушки с маленькими узелками. А навстречу с востока на запад шли гражданские молодые мужчины. Они шли на свои призывные пункты, мобилизованные, не хотевшие, чтобы их сочли дезертирами, и в то же время ничего не знавшие, не понимавшие, куда они идут. Их вели вперед чувство долга и неверие в то, что немцы могут быть здесь, так близко.

Перед мостом стоял совершенно растрепанный человек с двумя наганами в руках. Он останавливал людей и машины и, грозя застрелить, кричал истерическим голосом, что он – политрук Петров – должен остановить здесь армию, и он остановит ее и

будет убивать всех, кто попробует отступить. Люди равнодушно ехали и шли мимо него.

В соседнем лесу все кишело народом. Большой частью это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. Людей делили на роты и батальоны и отправляли занимать оборону вдоль берега реки Березина. Немцы с воздуха вскоре обнаружили это скопление людей и начали обстреливать лес из пулеметов. Мы ложились, прижимались головами к тощим деревьям. Нас было удобно расстреливать. Несколько человек рядом со мной были ранены – все в ноги. Как лежали в ряд – так и пересекла их пулеметная очередь.

Этот расстрел продолжался до поздней ночи. Было уже все равно. Оставалось только полное недоумение перед всем, что делается кругом. И еще казалось, что все это случайность, просто какой-то прорыв, что впереди и сзади войска, которые придут и все поправят. Ночью опять был обстрел с воздуха. А с земли все, кто из чего, стреляли в небо, „в Божий свет, как в копеечку”».

Потом, когда выбрались на дорогу, наткнулись на группу из четырех человек, которые требовали документы у человека в штатском. Он отвечал, что документов у него нет. Они опять требовали, тогда он крикнул: „Документы вам? Гитлера ловите! Все равно вам его не поймать!”»

Военный молча вынул наган и выстрелил. Штатский согнулся и упал. Не знаю, может

быть, это и был агент, диверсант, но, скорее всего, – просто какой-нибудь мобилизованный, доведенный до отчаяния трехдневными мытарствами в поисках своего призывного пункта. Тысячи людей из остановленных и разбомбленных поездов продирались в эти дни к призывным пунктам».

Едва застреленный упал, рядом разорвалась бомба. Через мгновение Симонов увидел: рядом с ним лежал застреленный и почти на нем убитый осколком военный. Больше никого не было, все разбежались. Утром неподалеку рыли окопы и щели. Симонову как на старшего указали на корпусного комиссара Сусайкова. Это был молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели и с лопатой в руках. Симонов спросил, где редакция газеты, потому что он писатель и направлен в армейскую газету.

Сусайков посмотрел на Симонова отсутствующим взглядом и сказал равнодушно: «Разве вы не видите, что делается? Какая газета?» Симонов сказал, что ему надо явиться в штаб фронта. Сусайков не знал, где штаб фронта. И вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся с ним в этом лесу.

Это 28 июня. Минск оставлен войсками Западного фронта. Симонов, корреспондент «Известий», командирован в армейскую газету 3-й армии Западного фронта. Но эта 3-я, так же как и 4-я, и 10-я армии, уже окружена юго-западнее Минска.

Вспоминает командир партизанского отряда, белорусский писатель Алексей Карпюк, живший в июне 1941-го в деревне у шоссе Белосток—Волковыск—Слоним:

«На шоссе оставались советские танки – целенькие, покрашенные свежей краской, с исправными моторами, пулеметами и пушками. Немцы на их бортах аккуратно вывели номера. У границы стоял танк под номером 1, на расстоянии девяноста километров от него – танк с номером 500».

Танкисты без танков отступают вместе с пехотой. Связи в войсках нет. Управление потеряно. На дорогах толпы людей. Это первый большой котел. 330 тысяч пленных советских солдат и офицеров. Из дневника командующего группой армий «Центр» генерала фон Бока: «23.06.41. Сообщают о многочисленных случаях самоубийства русских офицеров, пытавшихся таким образом избежать плена».

В это время в Москве, на Белорусском вокзале, откуда уходят на фронт эшелоны, уже звучит «Священная война». Сообщения о боевых действиях – в газетных сводках Совинформбюро, которое создано 24 июня.

Симонов в комментариях к дневнику пишет: «Сводки Информбюро в тот период значительно отставали от молниеносно разворачивающихся событий». Наиболее характерная формулировка: «Бои идут на таком-то направлении». Скажем, на Минском или Бобруйском направлении. Термин «направление» расплывчат. Он дает только общее географи-

ческое представление о глубине нанесенного нам удара. Тогда, в конце июня 1941-го, словечко «направление» на фронте произносили с едкой иронией, маскирующей отчаяние.

После войны Симонов напишет: «Если бы избрать тогда иную терминологию, то все наши сводки в любой из дней состояли бы из доводящего до отчаяния списка десятков потерянных городов и тысяч населенных пунктов».

3 июля в сводке Совинформбюро проскакивает ремарка: «Враг не выносит штыковых ударов наших **войск**».

На самом деле вот это и есть информация. В нескольких словах истинная картина отчаянных боев, когда, кроме как идти в штыковую, ничего не остается.

Симонов уже неделю в поисках штаба Западного фронта. Перемещается на попутных машинах.

Воронки от бомб – в стороне от дороги, за телеграфными столбами. Беженцы пробирались там, стороной, и немцы, приспособившись к этому, бомбили как раз по сторонам дороги. Вот вдоль дороги и лежали трупы. Саму дорогу немцы не портили: они собирались идти быстро и беспрепятственно.

Повсюду еврейские беженцы из-под Белостока, из-под Лиды, из сотен еврейских местечек. Симонов пишет:

«Шли старики, которых я никогда не видел, с пейсами и бородами, в картузах прошлого века. Шли усталые, рано постаревшие еврейские женщины. И дети, дети, дети. Детишки без конца».

Штаб Западного фронта в тот момент под Могилевом, в лесу, в палатках. Некоторые отделы штаба размещались прямо на грузовиках. Здесь Симонов видел маршалов Ворошилова и Шапошникова. Они приехали в лес на длинном черном «паккарде». Ворошилов лично допрашивал сбитого немецкого летчика.

Симонов пишет:

«Это был первый немец, которого я видел на войне. Этот первый немец был событие. Все толпились вокруг него».

Он был сбит у Могилева. У него был компас. И он пошел на восток. Из его объяснений стало ясно, что на шестой день войны немцы должны были взять Смоленск. И этот фельдфебель, твердо веруя в этот план, шел к Смоленску.

Симонов пишет: «Настроение было отчаянное. По-прежнему все было непонятно. Радио сообщало о сдаче небольших городков на границе – о Минске не упоминалось. Говорили о взятии Ковно и Белостока. Между тем в Могилеве говорили, что бои уже идут под Бобруйском. Было такое ощущение, что впереди, на западе, дерутся наши армии, а между ними и остальными нашими войсками находятся немцы».

Так и было на самом деле. Только с той разницей, что наши армии на западе были окружены и выходили частями. После страшных поражений на границах в первые два дня войны было решено не поддерживать всех, кто остался, не помогать окруженным частям, не бросать на съедение новые

дивизии. Симонов пишет:

«Решили оставить всех там, впереди, на произвол судьбы, драться и умирать, а из всего, что было в тылу, по Днепру и Березине организовать новую линию обороны. Если бы не это, немцы действительно за 6 недель дошли бы до Москвы».

Вокруг Могилева повсюду роют. Вся Могилевщина и вся Смоленщина изрыты окопами и рвами. Немцы их потом спокойно пройдут.

Симонов работает в газете в Могилеве. Он часто сам развозит газеты в те части, которые может найти. По дороге по одному, по два попадают грязные, оборванные люди, совершенно потерявшие военный вид. Это окруженцы. На проселочной дороге Симонова останавливает невесть откуда взявшийся милиционер. Он спрашивает, что ему делать с этими бредущими одиночками: «Отправлять их куда-нибудь или собирать вокруг себя?» Симонов говорит, чтобы он собирал их до тех пор, пока не появится какой-нибудь командир. Милиционер остается на дороге. Рядом на обочине сидят двое, вырвавшиеся из окружения.

В тот же вечер в политотделе штаба фронта Симонов прочел речь Сталина, записанную на слух радистами. Это было сталинское обращение к народу 3 июля, начинавшееся знаменитыми словами:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои».

В дневнике Симонов комментирует выступление Сталина. Первое – эта речь давала понять, что немцами захвачена огромная территория и что опасность крайняя. В сводках Совинформбюро об этом не говорилось.

«Теперь – Симонов пишет, – стало легче оттого, что это было сказано вслух. Второе – мы поняли, что наши надежды, что где-то готовится могучий удар, что немцев погонят не сегодня, так завтра, – мы поняли, что это не более чем плоды фантазии. И надо забыть, что мы слишком долго готовились совсем к другому, к победоносному началу войны».

Симонов пишет в дневнике 1941 года: «Слова, друзья мои в сталинской речи, помню, тогда тронули до слез». Сталин в том июльском обращении произносит: «Враг ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма». Сталин все еще живет в эпохе 20–30-х, где успешно работали штампы классовой борьбы. А люди уже живут в эпоху Отечественной войны. И вся предыдущая жизнь отныне и навсегда для них будет называться просто и емко – «до войны». Сталин этого еще не чувствует, он не поспевает за народом, от которого впервые зависит его личная судьба и к которому именно поэтому он впервые обращается «друзья мои».

И когда он в обращении говорит, что советский народ теперь должен отказаться от беспечности и благодушия, это излишне. Война и без Сталина всюду учит советских людей,

а вернее, тех из них, кто не погиб тогда, в первые ее дни и недели.

Через 20 лет в комментариях к дневнику 1941 года Симонов продолжает тему «Сталин и начало войны». Все прошедшие годы ему не дает покоя вопрос: почему Сталин не желал верить, что война начнется летом 1941 года?

«Я допускаю, – Симонов пишет, – что Сталин считал, что с ним, с исторической фигурой такого масштаба, Гитлер не посмеет решиться на то, на что он решился раньше с другими».

В случае со Сталиным сказалось разлагающее личное влияние неограниченной власти. Он мнил себя способным планировать историю. Симонов продолжает:

«Другой вопрос, что даже в самых сложных условиях существует еще и ответственность общества, когда оно вручает власть в руки одного человека. Нельзя забывать о нашей ответственности за то положение, которое занял этот человек».

Именно этот симоновский комментарий – главная причина запрета на публикацию его дневников 1941 года под названием «100 суток войны». Они должны были увидеть свет в журнале «Новый мир» в 1966 году. «100 суток войны» напечатаны не будут.

Из секретной докладной записки начальника Главлита Охотникова в ЦК КПСС: «При контроле сентябрьского и октябрьского номеров журнала «Новый мир» было обраще-

но внимание на содержание записок К. Симонова и комментарии автора к ним». Далее в форме доноса четко излагается суть симоновских антисталинских комментариев. Докладная заканчивается словами «произведение снято из номера». И это несмотря на то, что Симонов в то время обладатель одного из самых громких имен в советской литературе. Его стихи знают не только по книгам. Всю войну они публикуются в газетах. Это невероятная известность. В 66-м по поводу своей книги «100 суток войны», которую считал лучшей, Симонов рискнул обратиться в высочайшую партийную инстанцию. Он не получил не только поддержки, но и вообще какого-либо ответа.

Годом раньше, в 65-м, к 20-летию Победы, Симонов делал доклад на пленуме правления Московской писательской организации. 1965 год, первый год после Хрущева, – это начало ресталинизации, тихое возвращение Сталина на позиции, отнятые было у него XX съездом партии. Симонов в этом году с трибуны говорит о сталинских репрессиях в армии с точки зрения их прямого влияния на неготовность страны к войне.

Симонов говорит:

«Нет, нельзя все сводить к именам нескольких расстрелянных военачальников. Вслед за ними погибли тысячи и тысячи, составлявшие цвет армии. И не просто погибли, а в сознании большинства ушли с клеймом изменников Родины. Но речь идет не только о

тех, кто ушел. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии».

Система подозрений, обвинений, арестов и расстрелов живет вплоть до самой войны. Такова атмосфера накануне войны с фашистской Германией.

Симонов говорит:

«Сталин оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу. Главная вина его перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки компетентных людей не имеют возможности доказать главе государства масштаб опасности. Только обстановкой чудовищного террора и его многолетней отрывистой можно объяснить нелепые предвоенные распоряжения».

Еще до этого доклада в феврале 65-го в подмосковной Барвихе Симонов разговаривает на ту же тему с одним из главных героев войны маршалом Коневым. После этого разговора Симонов напишет:

«Не подлежит сомнению, что если бы 1937–1938 годов не было, и не только в армии, но и в стране, то мы в 1941 году были бы несравненно сильнее, чем мы были. Воевали бы все они, те, которые выбыли. И тогда из всех нас война выбирала бы и выдвигала лучших».

В июне, в июле 41-го Симонов на фронте встречает лю-

дей, вернувшихся в армию из лагерей накануне войны. Из их числа комкор Петровский, чей корпус стоит в эти дни на берегу Днепра. После войны Симонов прочитает июльские приказы Петровского. Они свидетельствуют о трезвости в оценках обстановки, спокойствии и самостоятельности в эти тяжелейшие дни. В 41-м комкор Петровский соответствует служебной характеристике, полученной еще в 25-м: «Обладает сильной волей, решительностью. Военное дело знает и любит его».

В том же самом месте, где Симонов встретил комкора Петровского, потом в симоновском романе «Живые и мертвые» будет ждать боя Федор Федорович Серпилин, арестованный в 37-м, получивший 10 лет лагерей, а потом неожиданно отпущенный. Перед рассветом, лежа на охапке сена, Серпилин будет думать: «Спрашивается, кому же перед войной понадобилось лишать армию таких людей, как он, Серпилин? Какой в этом смысл?» Время заключения в сознании Серпилина было прежде всего бездарно потерянным временем. «Вспоминая теперь, на войне, эти пропащие четыре года, он скрипел от досады зубами».

Серпилин – самый яркий герой главного симоновского романа. Но Симонов встречал и других людей, попавших на фронт после лагеря. И о них тоже писал. Эти, другие, лично бесстрашны перед врагом. Но после ареста и заключения беспомощны и безответны перед вышестоящим начальством.

На командирских должностях они не способны на решения, чем губят и губят солдатские жизни. Их было много таких, изуродованных лагерем. В повести «Пантелеев» Симонов даст такому человеку пустить себе пулю в лоб. В реальной жизни 1941 года его прототип пошел под трибунал. Симонов за повесть с таким действующим лицом подвергся критике с явными намеками на авторскую неблагонадежность.

К Симонову в Могилев приезжает бригада из «Известий». В ее составе поэт Сурков и фотокорреспондент Трошкин. Они на новенького на фронте. Симонов в это время уже отчетливо формулирует свои впечатления первых двух недель войны: «У меня было такое чувство, что уже ничего тяжелее в жизни я не увижу. Мне и сегодня кажется, что так оно и есть».

Он написал об этих двух неделях письмо домой. Когда уже сложил письмо вместе с журналистскими материалами, чтобы отправить в Москву, вдруг передумал. Не отправил письмо, порвал.

Одна из поездок известинской бригады – в Смоленск. Симонов вспоминает:

«По дороге, усталые и пыльные, заехали в какую-то деревушку, зашли в избу. Изба оклеена старыми газетами. В рамочках фотографии из журналов. В углу – божница. На широкой лавке сидит старик, одетый во все белое – в белую рубаху и белые порты, – с седою

бородой.

Старуха усадила нас на лавку рядом со стариком и стала поить молоком. Зашла соседка. Старуха у нее спросила:

– А Дунька все голосит?

– Голосит, – сказала соседка.

– У нее парня убили, – объяснила старуха.

Вдруг открылась дверь, и мы услышали, как в соседнем дворе пронзительно кричит женщина. Старуха сказала:

– Все у нас на войне. Все сыны на войне, и внуки на войне. А сюда скоро немец придет, а?

– Не знаем, – сказали мы, хотя чувствовали, что скоро.

А старик все сидел и молчал. И мне казалось, что если бы он мог, то он умер бы, вот сейчас, глядя на нас, людей, одетых в красноармейскую форму, и не дожидаясь, пока в его избу придут немцы. А что они придут сюда – мне по его лицу казалось, что он уверен. Он качал своей столетней головой, как-будто твердил: „Да, да, придут, придут”».

СИМОНОВ В ДНЕВНИКЕ ПИШЕТ:

«Я потом написал об этом стихотворение и посвятил его Алеше Суркову.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,

По мертвому плачущий девичий крик,

Седая старуха в салопчике плисовом,

Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

На дорогах женщины поили нас молоком, крестили и, как-то сразу перестав стесняться, что мы военные и партийные, говорили нам: „Спаси вас, Господи“, „Пусть вам Бог поможет» – и долго смотрели нам вслед».

Это – дневник, а это – стихи:

*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как крынки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.*

172-я дивизия, которая обороняла Могилев, стояла на западном берегу Днепра. Дивизионный комиссар сказал Симонову, что лучше всего у него в дивизии дерется полк Кутепова. Разговор об этом шел ночью. Ночью же Симонов с фотокором Трошкиным и выехали к Кутепову. Это была ночь 14 июля.

Два дня до этого – 12 и 13 июля – у Кутепова шел бой. 12-го на кутеповский полк шли танки генерала Моделя. Танки с открытыми люками, из которых по пояс торчали немецкие офицеры. За танками – пехота с засученными рукавами. Танки шли по ржаному полю.

Кутеповцы уничтожат 39 танков. Это самый ожесточенный и самый результативный бой в ходе обороны Могилева. На следующий день, 13-го, немцы предпримут психическую атаку. Их пехота пойдет стройными колоннами с развернутыми знаменами. Из этих колонн уцелеют немногие.

Ночью, после отражения психической атаки, 45-летний Кутепов рассказывает Симонову о происшедшем с мальчишеским задором. «Вот говорят: танки, танки. А мы их бьем. Если пехота решила не уходить, то никакие танки с ней ничего не смогут сделать, можете мне поверить. Вон там их танк стоит. Вот куда дошел, а все-таки ничего у них не вышло».

14 июля фотокорреспондент «Известий» Трошкин снимает подбитые немецкие танки на глазах у немцев. Он вытаскивает из танка немецкий флаг, заставляет красноармейцев залезть на танк, снимает их на танке, рядом с танком, с флагом и без флага. Симонов пишет: «Он вообще окончательно обнаглел». Потом Трошкин фотографирует командира батальона капитана Гаврюшина, лет тридцати, три дня небритого, со свалывшимися под фуражкой волосами. На лице у Гаврюшина странное выражение готовности еще сутки вести бой и в то же время – готовность уснуть в любую секунду. Война – это очень тяжелая работа. 12 июля бой шел 14 часов подряд, 13 июля — 10 часов. Но ожидание боя тяжелее самого боя, многие не выдерживают. Бегут. Их ловят. Трибунал. Расстрел.

Трошкин, перед тем как сфотографировать Гаврюшина, заставляет его надеть через плечо автомат, вместо фуражки – каску. «Эта амуниция на редкость не идет капитану, как она обычно не идет людям, сидящим на передовой», – пишет Симонов. Фотокорреспондент «Известий» Трошкин погибнет в 44-м.

В 41-м снимал Трошкин и командира роты Хоршева, такого молодого, что было странно, что вчера он дрался до последнего патрона и потерял половину роты.

14 июля здесь, на Буйничском поле, тишина. Работает немецкая похоронная команда. Кутеповцы не мешают. Большой участок в несколько гектаров на нейтральной полосе покрывается березовыми крестами над немецкими могилами. В ночь с 12-го на 13-е, во время передышки между боями, наши и немецкие похоронные бригады работали вместе.

14 июля полковник Кутепов говорит Симонову: «Мы так уж решили тут между собой: чтобы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы».

После войны в комментариях к дневникам 1941 года Симонов будет много раздумывать о том, что было целесообразнее – стоять насмерть или отступать, отводить войска, избегая окружений. Но мы были катастрофически не готовы и к спланированному, организованному отступлению. Симонов пишет:

«Мера нашей неподготовленности к войне была так велика, что мы не можем при воспоминаниях о тех днях освободить свой лексикон от такого тяжелого слова, как „бегство“, или, употребляя солдатское выражение того времени, – „драп“».

И сейчас, при самой трезвой оценке всего, что происходило, мы должны снять шапки перед памятью тех, кто до кон-

да стоял в жестких оборонах и насмерть дрался в окружениях, обеспечивая возможность отрыва от немцев, выхода из мешков и котлов другим частям, соединениям и огромной массе людей, группами и в одиночку прорывавшихся через немцев к своим».

Героизм тех, кто стоял насмерть, вне сомнений. Если бы страну честно и грамотно готовили к реальной войне, этот героизм принес бы несравнимо большие результаты.

У ополченцев под Могилевом – одна винтовка на троих. Топор, вилы, лопата также считаются оружием.

Начальник Главного политического управления Советской армии Епишев 19 ноября 1966 года напишет по поводу книги Симонова «100 суток войны»: «Новая книга К. Симонова является глубоко ошибочной, недостойной советского писателя, она может нанести серьезный вред патриотическому воспитанию нашей молодежи, искаженно показывая подвиг нашего народа во имя защиты завоеваний Октября». Симонов перед смертью завещает развеять свой прах на том поле, где в июле 41-го насмерть стоял полковник Кутепов.

И Кутепов, и Гаврюшин, и Хоршев погибли в окружении. Немцы пойдут на Смоленск и возьмут его в самом конце июля. Симонов в это время будет несколько дней в Москве. Он переходит из «Известий» в «Красную звезду». В эту короткую паузу ему предложено написать несколько стихотворений для газеты. Симонов пишет «Жди меня». В дневнике Симонов фиксирует: «Первым читателем „Жди меня” был

писатель Лева Кассиль. Он сказал мне, что стихотворение, в общем, хорошее, хотя немного похоже на заклинание».

Но такое заклинание совершенно оправдано для воюющего мужчины в страшном 1941-м году.

В Смоленске в одиноком неразбомбленном доме работал телефон. Константин Симонов попросил дать Москву. Телефонистка ответила: «Сейчас». Он ждал минут пятнадцать. Наконец услышал: «Москва. Москва! Говорит Смоленск. Дайте 3-6-0-8-4». Потом длинный звонок – и знакомый голос произносит: «Алло», потом грохот и голос телефонистки: «Я вас разъединила. В Смоленске воздушная тревога». Симонов звонил в Москву Валентине Серовой. Лучшие симоновские военные стихи войдут в цикл «С тобой и без тебя» с посвящением ей. Там будет и стихотворение, где первой строчкой —

*Твой голос поймал я в Смоленске,
Но мне, как всегда, не везло.
Из тысячи слов твоих женских
Услышал я только: алло!*

Симонов в Смоленске в первых числах июля. Город уже бомбят. 15 июля – массовый исход жителей из города. Вспоминает Леонид Андреев, в будущем профессор, декан филфака МГУ:

*«Улицы были заполнены беженцами и войсками.
У разбитого дома торговали мороженым. В ярком*

небе висели немецкие самолеты. В магазине без окон и дверей стояла очередь за сметаной. На берегу лежали восемь трупов расстрелянных немецких парашютистов. Под мостом закладывали шашки со взрывчаткой. На мосту тягач проехал по голове убитого подростка. Паника гнала людей на вокзал, лишала рассудка. Подошел состав с открытыми грузовыми платформами. Тысячи людей бросились к ним, опрокидывая друг друга, роняя узлы и чемоданы, крича, плача и ругаясь. Рядом с составом вдруг застучал крупнокалиберный зенитный пулемет. Люди метнулись к стенам вокзала, под платформы. Неудержимо плакала потерявшаяся девочка лет четырех. Пулеметная очередь осыпала ее брызгами разбитой штукатурки».

К 20 июля в районе Смоленска в окружении оказываются три наши армии — 16, 19 и 20-я. Немцы уже заняли Ельню, создав плацдарм, выдвинутый на восток.

Советское военное руководство полагает, что это вовсе не немецкий прорыв, а просто крупный десант. «Десант, десант, десант. В эти дни это слово буквально сидело в ушах», — пишет Симонов.

Симонов после короткого пребывания в Москве, где пишет свое знаменитое стихотворение «Жди меня», выезжает под Ельню.

В дневнике он пишет:

«Никто, начиная от командующего 24-й армией

Ракутина и кончая командирами батальонов, не знал истинного положения под Ельней. Генерал Ракутин считает, что немцев из Ельни удастся выгнать через день-два, максимум через три».

На самом деле Ельня будет взята войсками 24-й армии только через полтора месяца, 7 сентября. 24-я армия входит в состав Резервного фронта под командованием Жукова. Ельня – наше первое большое успешное наступление. Но ельнинский выступ для немцев – второстепенное направление. В это время основные немецкие удары следуют на Центральном и Юго-Западном фронтах. Когда вермахт начнет генеральное наступление на Москву, он обойдется без ельнинского выступа.

Когда Жуков наступает на Ельню, немцы наступают на Киев.

Под Киевом в окружении, в котле, – пять армий Юго-Западного фронта. Командующий фронтом генерал Кирпонос погибает в бою. По немецким данным, в плену под Киевом оказывается 665 тысяч человек. По данным историка генерала Д. Волкогонова – 453 тысячи человек, включая 60 тысяч командного состава. В районе Мозырь—Гомель в плен попадает 78 тысяч, в Уманском котле – в окружении две армии, 103 тысячи пленных, включая обоих командармов – командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Музыченко и командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина.

Через несколько дней фамилия генерала Понеделина бу-

дет фигурировать в приказе Ставки за № 270 от 16 августа 1941 года. Приказ № 270 имеет отчетливую личную сталинскую интонацию. Видишь, как Сталин ходит взад-вперед и диктует:

«Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически. Даже те части, которые случайно попали в окружение, сохраняют стойкость и выходят из окружения».

Далее следует бесспорное перечисление фактов успешного выхода из окружения.

Сталин продолжает:

«Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам».

И Сталин называет три имени. Первое – генерал-лейтенант Понеделин. Правда, на самом деле он генерал-майор. Сталин диктует:

«Он имел полную возможность пробиться к своим, но он трусил и дезертировал к врагу».

Вторым Сталин называет генерал-лейтенанта Качалова.

«Он предпочел сдаться в плен», – говорит Сталин. Третий – генерал-майор Кириллов.

«Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, сдающихся в плен? Нет, нельзя. Если дать волю этим трусам и дезертирам, они загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать».

Симонов в комментариях к дневнику 1941 года пишет:

«Я должен сделать горькое признание: я был человеком своего времени и тогда, летом 1941 года, читая этот приказ Ставки, под которым стояла подпись Сталина, не меньше других верил, что люди, упомянутые в нем, действительно виноваты во всем, что им приписывают».

После войны Симонов подробно изучит обстоятельства, при которых указанные в приказе люди попали в плен. Точнее, двое из них. Генерал-лейтенант Качалов вообще в плену не был. Он погиб в бою 4 августа и на момент выхода приказа № 270 был мертв. Ситуацию с Понеделиным Симонов отслеживает по журналу боевых действий Южного фронта. 4 августа записано: «Группа Понеделина продолжает вести бои в замкнутом кольце без снарядов и артиллерии». Генерал Кириллов со своим корпусом, судя по документам, все время прикрывает отход других частей.

Симонов пишет: «Не было никаких оснований объявлять их трусами, не пожелавшими прорваться к своим. На совести этих двух людей в тот момент было только одно – они физически не смогли, не успели или не решились застрелиться. Но это не повод считать их предателями, как это было ска-

зано в приказе Ставки».

Генералы Понеделин и Кириллов, оболганные в приказе № 270, до конца войны будут в плену. Потом полгода на территории, занятой союзниками. Вернутся на родину. 30 декабря 45-го арестованы. Следствие будут вести пять лет. В 50-м они расстреляны. В 56-м признаны необоснованно осужденными.

В соответствии с приказом № 270 в 1941 году все попавшие в плен причисляются к изменникам родины. По приказу № 270 в 1945 году из немецких лагерей они попадут в советские. В этих лагерях окажутся и немногие уцелевшие защитники Брестской крепости. Репрессиям подлежат семьи попавших в плен. Они арестовываются и ссылаются в отдаленные местности СССР. В июле 1942 года Государственный комитет обороны в своем постановлении уточнит, что «членами семьи считаются отец, мать, жена, муж, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником родины на момент начала войны».

С июня по декабрь 1941 года в немецком плену окажутся до 3 миллионов 335 тысяч советских военнослужащих. К концу января 1942 года в результате расстрелов, эпидемий и голода погибнет 2 миллиона пленных. Сталин, выступая на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 года, говорит: «За четыре месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек». Советских солдат, попавших

в плен, Сталин вообще не упоминает.

На Западном фронте только в ходе Смоленского сражения в плен попадает до 300 тысяч человек. Почти 300 тысяч раненых, более 200 тысяч погибших. Окруженные под Смоленском войска и гражданское население имеют единственную возможность выхода – это узкая переправа через Днепр возле деревни Соловьево. Симонов был на Соловьевской переправе. Кроме того, в комментариях к дневнику он приводит фрагмент письма, полученного им от Василия Палаженко, который начинал войну именно под Ельней. Он пишет:

«С запада на восток стекались с широкого фронта к Соловьевской переправе. Переправа никакого прикрытия с воздуха не имела. Фашистские летчики с бреющего полета расстреливали людские потоки. На переправе из человеческих тел, повозок и мертвых лошадей образовалась плотина. Мне и сейчас еще видятся: окровавленная умирающая женщина, чуть вылезшая из воды на берег, а по ней ползет грудной ребенок, тоже окровавленный».

Симонов – Серовой с фронта:

*Не укорить и не обидеть,
А, ржавый стебель теребя,
Я просто видеть, видеть, видеть
Хотел тебя, тебя, тебя.
Без ссор, без глупой канители,
Что вспомнить стыдно и смешно,*

*А бомбы не спеша летели,
Как на замедленном кино.*

До Москвы немцам остается 300 километров. Немецкая наступательная операция на столицу получает название «Тайфун». Ее планирование завершено к 19 сентября. Командование Западного фронта только 26 сентября докладывает в Ставку, что, по данным разведки, возможно немецкое наступление на Москву. На следующий день издается директива о необходимости перехода к «жесткой и упорной обороне», о создании фронтовых резервов и совершенствовании оборонительных сооружений. Но эти документы не успевают дойти до передовых частей.

Командный пункт Западного фронта в это время размещен рядом со станцией Касня, на господствующей высоте, в ярко-белом с колоннами старинном особняке князей Волконских. Все подъезды к дому посыпаны желтым песком. Узел связи – под легкими козырьками рядом с усадьбой. Наблюдается оживленное движение машин и военнослужащих.

В первый день операции «Тайфун», 2 октября, 27 бомбардировщиков наносят удар по командному пункту Западного фронта. Здание разрушено, 73 убитых.

Первоочередная задача немецкого командования – окружение и уничтожение советских войск в районах Брянска и Вязьмы. Решение этой задачи открывает путь на Москву.

Орел взят 3 октября абсолютно неожиданно для командо-

вания Брянского фронта. Когда немецкие танки врываются в Орел, в городе спокойно ходят трамваи, полные людей.

Командующий Орловским военным округом генерал-лейтенант Тюрин, отвечающий за оборону города, узнает о взятии города от рассыльного, который вбегает в штаб с криком, что немецкие танки на улицах города. Через три дня, 6 октября, окружен и взят Брянск. В котле оказываются три армии. Из окружения выйдет менее 20 % личного состава.

Симонов – Серовой:

*Когда он с жизнью расставался,
Кругом него был воздух пуст
И образ нежный не касался
Губами холодевших уст.
Я навсегда возьму с собою
Звук слов твоих, вкус губ твоих.
Пускай не лгут. На поле боя
Ничто мне не напомнит их.*

Симонов пишет:

«В деревне мы встретили части одной из московских ополченческих дивизий. Это были по большей части немолодые люди – по сорок, по пятьдесят лет. Обмундирование – гимнастерки третьего срока, причем часть этих гимнастерок была какая-то синяя, крашеная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники».

Формирование дивизий народного ополчения началось 4 июля 1941 года. Впервые слова о формировании ополчения прозвучали накануне, 3 июля, в обращении Сталина. Кроме людей старших возрастов, в ополчение идет молодежь, часто негодная к строевой службе. Оружие у них времен Первой мировой войны. Уровень боевой подготовки крайне низкий. Но они добровольцы и проявляют невероятную стойкость.

Симонов пишет:

«Помню, что они произвели на меня тяжелое впечатление. Думал: ужасели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти не вооруженных? Одна винтовка на двоих и на всех один пулемет».

Когда будет принято решение отвести войска на рубеж Ржев—Вязьма, эти люди будут прикрывать отход. И это они встанут под удар немецких армий группы «Центр». И попадут в страшнейшее окружение под Вязьмой.

Вспоминает ополченец Борис Фридман:

«1 октября 1941 года мы сидим с однополчанином, беседуем о том о сем, и он, регулярно бывавший в штабе полка, говорит мне: „Идут разговоры, что мы уже окружены“. Я ему в ответ: „Да что вы, Александр Николаевич, этого не может быть, была бы слышна стрельба, а кругом так тихо, так спокойно”.

Бомбардировка пойдет на следующий день, 2 октября. Операция «Тайфун» начинается с тотальной бомбардиров-

ки. Она полностью нарушает связь между советскими войсками. Немецкие танковые клинья по гигантским дугам двигаются в обход основных сил наших армий и уже 7 октября завершают полное окружение наших частей. Затем по магистрали Москва – Минск они рассекают окруженную группировку надвое и приступают к ее уничтожению.

Предвидя катастрофу окружения, командующий Западным фронтом Конев еще 4 октября докладывает Сталину о ситуации. Все решают часы и даже минуты, но 4-го Сталин разрешения на организованное отступление не дает. Только 5 октября Ставка утвердит приказ об отступлении. Реально оно начнется только 6-го. Будет уже поздно.

Вспоминает окруженец военврач Иван Акопов:

«На глазах разваливалась вся организация отступления. Все части перемешались, никто не управлял движением. Карт у нас не было, не было их и у командиров других частей. Некоторые части стали сворачивать с главной дороги на прилегающие, чтобы ускорить продвижение. Попадались брошенные грузовики, видели отдыхающих, в одиночку и группами. На наш вопрос – куда они идут? – отвечали, что идут куда глаза глядят, надеясь выйти к своим».

Из воспоминаний ополченца Александра Леляичева:

«Раненых взять нельзя, мертвых захоронить тоже. Отходим. В последний момент два майора поссорились. Спор был: кто должен командовать полком. Один

другого застрелил, и оставшийся майор принял командование по выходу из окружения».

Те, кто выйдет из окружения, окажутся в фильтрационном пункте Западного фронта на Стромынке, в здании общежития университета. Счастливыцы попадут снова на фронт, остальные – в лагеря.

Из воспоминаний окруженца:

«Когда я очнулся после бомбежки, вокруг было безлюдно. Только убитые. Я пошел по лесной дороге, меня нагнал военный грузовик. Мне помогли залезть. Проехали одну деревню. На улице ни души. Проехали еще две деревни – всюду тихо. И это стало успокаивать. И вот на полном ходу мы въезжаем в следующую деревню и попадаем в кольцо немецких танков. Нас останавливают. Возникают немецкие автоматчики. Я – в плену. Новые группы пленных прибывали весь следующий день. Потом нас всех привели в транзитный лагерь для военнопленных в маленьком городке. Потом колонна военнопленных двинулась в долгий путь. Ни конца, ни начала ее видно не было».

Из воспоминаний бывшего пленного:

«В больших селах колонна ненадолго останавливалась. Деревенские старики сумрачно глядели на нас. И я не видел сочувствия в их глазах. Крестьянка держит в руках полбуханки хлеба и предлагает обменять ее на пару белья, которое пленный должен снять с себя».

Из воспоминаний другого бывшего пленного:

«Женщины бросали в наши ряды хлеб, картошку. Немцы не знали, что делать с таким количеством пленных».

Был тогда такой номер. Женщины, рискуя быть расстрелянными, кидались с плачем к конвоирам и кричали, что среди пленных их мужья. Никакие это были не мужья, но они кричали: «Ваня, Петя, милый, наконец мы встретились!». Женщины выручали пленных, как могли. Немцы смеялись и отпускали кого-то из пленных. Потом колонна шла дальше. Отстающих расстреливали.

Вязьма, в двухстах километрах от Москвы, – это адский котел, в котором перемешалось все: окружение, плен и невероятной жесточенности, поистине героические бои окруженцев, на две недели сковавшие немецкое продвижение на Москву.

Вспоминает военврач Иван Акопов:

«Погиб весь орудийный расчет действующей пушки. Вокруг орудия в разных позах лежало несколько трупов. Один – возле самого колеса пушки с раскинутыми руками и широко открытыми глазами, как будто смотрел в небо. Взгляд последнего живого артиллериста был полон ненависти и, я бы сказал, азарта. Он не чувствовал, что все его лицо забрызгано кровью его погибших товарищей, и ничего не ощущал вокруг, кроме врага».

Еще в первый день войны премьер-министр Великобритании Черчилль в своем радиообращении сказал:

«За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о коммунизме, но все это меркнет перед разворачивающимся сейчас зрелищем. Я вижу русских солдат, защищающих свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры».

Военврач Акопов вспоминает:

«Я заметил еще одного раненого, который лежал на спине и что-то громко говорил. Я подбежал к нему и ужаснулся: он был ранен в живот, вышел значительный отрезок кишечной петли, он вряд ли мог остаться в живых, я перевязывал его, а он смотрел на летящие над нами самолеты и с ненавистью твердил: „Стреляй, строчи, фашистская сволочь! Мы еще повоюем с тобой”».

Сталин, не давший своевременный приказ об отступлении, 8 октября шлет паническую радиограмму в штаб окруженной 19-й армии:

«Из-за неприхода окруженных войск к Москве Москву защищать нечем и нечем. Повторяю: нечем и нечем».

В кольце окружения под Вязьмой 37 дивизий Западного

и Резервного фронтов, 9 танковых бригад, почти вся артиллерия.

11 октября предпринимается попытка прорыва.

К этому дню ценой огромной крови пробит и с трудом удерживается ополченцами двухкилометровый коридор в кольце немецкого окружения. Руководит прорывом командующий 19-й армией генерал-лейтенант Лукин. Лукин просит об авиационной поддержке в полосе главного удара. Этой поддержки не будет.

По Богородицкому полю 11 октября 1941 года по осенней грязи идут конные обозы и бесконечные пехотные колонны. Никто не разговаривает, слышится лишь монотонный шум двигающейся людской массы, редкие ругательства полусшепотом и звяканье оружия. Впереди слышна артиллерийская канонада и эхом звучит многоголосое «а-а-а». Это отзвук от отчаянного «Ура!» отчаянно идущей на прорыв пехоты. 11 октября прорыв захлебывается, кольцо окружения вновь смыкается. Вторая попытка прорыва – 13-го. Она также безуспешна.

Генерал Лукин трижды ранен и попадает в плен.

Окружение под Вязьмой – это до 600 тысяч пленных и около 400 тысяч убитых.

После войны Богородицкое поле пахать было нельзя. Человеческие кости лежали на глубине штыковой лопаты.

В 60-е годы Симонов предложит собрать и опубликовать

воспоминания москвичей, которые были свидетелями событий в Москве и вокруг Москвы жесточайшей осенью 1941 года. На самом высоком уровне Симонову это делать запретят.

16 октября 1941 года по радио в утренней сводке Совинформбюро сообщается:

«За истекшие сутки положение на Западном фронте ухудшилось».

После этого радио замолкает. Из воспоминаний историка Георгия Мирского:

«Только выйдя на улицу Горького, я стал догадываться, что же на самом деле произошло на фронте. По улице мчались одна за другой черные „эмки“. В них сидели офицеры со своими семьями. На крышах машин были привязаны чемоданы, узлы и какие-то коробки. Это ехали офицеры штаба Московского военного округа. Рано утром штаб округа получил секретную военную сводку, из которой следовало, что немцы прорвали фронт и уже достигли Можайска в 100 километрах от столицы. В штабе, видимо, решили, что немцев можно ожидать в Москве с часу на час. И штабисты драпанули».

Под Можайском действительно идут ожесточеннейшие бои. Они идут и прямо на Бородинском поле. Эти бои на неделю сдерживают немецкое наступление. А счет в это время идет на дни. Рукопашная схватка в расположении ко-

мандного пункта 5-й армии, в которой ранен командарм генерал Лелюшенко. Лелюшенко вспоминает: «Это происходило на том самом месте, где в 1812 году стояла батарея Раевского». Это было как раз 16 октября.

Из воспоминаний Георгия Мирского:

«16 октября наибольшее впечатление производили мусорные ящики в московских дворах. Они были доверху набиты книгами в красном переплете. Это были сочинения Ленина. Они не помещались в контейнерах, их сваливали прямо на улицах и жгли. Весь центр Москвы был в этом дыму. На Кузнецком Мосту, на Лубянке, на Мясницкой шел черный снег – пепел сожженных документов. По улицам летали бумаги с грифом „Секретно“».

В городе не ходят трамваи, не работает метро, закрыты булочные.

Даниил Гранин пишет о том, что рассказывал ему о 16 октября Алексей Косыгин, в то время зампред Совнаркома:

«Правительство эвакуировалось в Куйбышев. Совнаркомовские кабинеты опустели. Двери открыты настежь. Повсюду звонили телефоны. Косыгин переходил из кабинета в кабинет, брал трубку, отвечал, чтобы показать, что власть работает».

Вспоминает врач «Скорой помощи» Дрейзер:

«По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней и коров. Темные личности тянут в

подворотни свиней чуть ли не на глазах у пастухов».

На предприятиях идут массовые увольнения. 16 октября срочно раздают зарплату, но не всем и не везде. Люди, ожидающие денег, видят, как бежит начальство.

Замдиректора завода «Точизмеритель» имени Молотова Рыгин, нагрузив машину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Был задержан и избит рабочим.

Из воспоминаний писателя Аркадия Первенцева:

«16 октября брошенный город грабился. Я видел, как грабили фабрику „Большевик” и дорога была усеяна печеньем. Грабили мясокомбинат имени Микояна. Сотни тысяч распущенных рабочих, сотни тысяч жен рабочих и их детей, оборванных и нищих, были брошены на произвол судьбы. Они вдруг поняли, что никому не нужны. Стихийное негодование нарастало с каждым часом. Москва находилась на пути восстания».

Вспоминает главный инженер ГПЗ № 1 Сурнакин:

«Народ неожиданно остался ни при чем. Многие говорили: „Дали б нам оружие, мы б пошли воевать. А то получили расчет и уходи”».

Площадь Трех Вокзалов забита людьми и вещами. С Ленинградского ехать некуда. Все уезжают с Ярославского или Казанского.

Вспоминает Мария Белкина:

«Уезжали актеры, писатели, киношники:

Эйзенштейн, Пудовкин, Любовь Орлова. Какой-то актер волок огромный сундук и вдруг, взглянув на часы, бросил его и побежал на перрон с одним портфелем. Парни-призывники, обритые наголо, с тощими котомками, смеялись над ним».

Интеллигенцию из Москвы эвакуируют крайне организованно. На первый взгляд в этом можно усмотреть желание власти спасти интеллектуальную элиту от уничтожения. На самом деле власть воспринимает ее как неблагонадежную «пятую колонну». Сын Бориса Горнунга, филолога и поэта, писал:

«У отца в Институте мировой литературы раздавались телефонные звонки, суровые голоса зачитывали фамилии сотрудников и объявляли от имени органов, что если эти лица не покинут Москву, то будет считаться, что они ждут немцев».

Вспоминает Аркадий Первенцев:

«Мы выезжали из Москвы по шоссе Энтузиастов. Оно было запружено толпой. Несколько человек бросились на подножки, на крышу машины. Застучали кулаками по стеклам. Лобовое стекло треснуло и рассыпалось. Десятки рук схватили машину и сволокли на обочину. Какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили мою жену. „Что вам нужно?“ – закричал я. В ответ заорала сотня голосов: „Небось деньги везешь? А нас бросили голодными. Небось

парторг или директор, сволочь?»»

Я понял их. Я посмотрел на их провалившиеся щеки, на черные засаленные пальто и рваные башмаки и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих людей. Я крикнул, что я советский писатель, что я снят с военного учета по болезни, что машина моя собственная. Я пишу книги и купил себе автомобиль. Нас решили отпустить. Перед этим они еще побили нашу машину. Вырвали из рук у жены пиджак, забрали мои волчьи унты. И все. Мы поехали. Я видел, как грабили очередной „ЗИС“. Из него летели десятки пачек папирос, десятки пар носков и чулок. Это была машина кого-то из государственных деятелей. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек прыгнул к этому хлебу, схватил его и начал быстро есть».

На пике немецкого наступления на Москву в городе с неожиданной силой разгораются антисемитские настроения. Из сводок НКВД:

«Слесарь Тюрькин с завода КЭС в Киевском районе Москвы заявил: „Скоро будем всех евреев ‘вот так’”, – и провел рукой по горлу».

Такового содержания сводок очень много.

Аркадий Первенцев вспоминает:

«Мимо меня прошел мрачный гражданин в кепке и сказал: „Товарищ Первенцев, мы ищем и бьем жидов”».

В руках правительства было радио, но оно молчало почти целый день 16 октября. Не было ни одного спокойного голоса, который сказал бы населению: «Надо защищать город». Лишь к вечеру в уличных громкоговорителях раздался какой-то шорох и затем выступил председатель Моссовета Пронин. Он призвал население к спокойствию и пообещал навести порядок. Паника в городе продолжалась еще три дня. В один из этих дней Сталин позвонил на Западный фронт. После войны Симонов беседовал с командующим Западным фронтом Коневым. Конев вспоминал:

«Сталин позвонил с почти истерическими словами. Сталин говорил о себе в третьем лице: „Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин – честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение”».

Вот тогда Конев почувствовал крайнюю растерянность Сталина, отсутствие волевого начала. Тогда у Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует тому представлению о нем, которое было у него, Конева. Это был человек растерявшийся и во многом виновный.

Симонов пишет:

«Я много думал, в чем секрет того драматического звонка Сталина Коневу. И вдруг я вспомнил, как в июле 1941 года были расстреляны командующий Западным

фронтом Павлов, начальник штаба Западного фронта и еще несколько генералов. Все они были объявлены изменниками Родины и расстреляны как предатели. Они ни в коем случае в действительности не были предателями, но Сталин все происшедшее в начале войны мог объяснить только предательством».

Это был его излюбленный, простейший выход из положения. Так он переводил удар на других. Потому что он, Сталин, в эти первые недели войны не просто растерялся, струсил, – он почувствовал ответственность. За ложную оценку политического положения, за свою глухоту к сигналам и предупреждениям.

Второй приступ сталинской паники случился в страшные дни октября. Вот тогда Сталин почувствовал, что теперь его могут счесть предателем, после всех провалов, окружений и жертв его могут объявить изменником Родины и на него, Сталина, могут поднять руку.

Сознание, что то обвинение, которое он привычно, многолетне обращал против других, может быть наконец повернуто против него, – вот это и вызвало тот крик, который услышал в телефонной трубке командующий Западным фронтом Конев.

Симонов в своей работе «Сталин и война» приводит слова Конева: «В обстановке этого вакуума, растерянности надо было возмещать своими волями отсутствие воли сверху и делать все возможное для спасения положения». 16 октяб-

ря Сталин из Москвы не уехал. Факт пребывания Сталина в Москве – единственный случай, когда культ личности играет позитивную роль. Потому что информация о том, что Сталин не покинул столицу, обнадеживала. В том смысле, что люди, гибнущие за Москву, не чувствовали себя окончательно брошенными властью. Эффект Сталина – это лишь капля в море стойкости, воли и жертвенности, проявленных рядовыми людьми при защите Москвы.

Новый этап немецкого наступления на Москву начинается 15 ноября. К 1 декабря до Москвы остается не более 30 километров. 2 декабря редакциям берлинских газет приказано оставить в верстающихся номерах пустые места, чтобы напечатать сообщение о взятии советской столицы.

В Москве в это время идет подготовка к боевым действиям в черте города. Дивизии имени Дзержинского отдан приказ № 9 об организации линии обороны по Садовому кольцу. Упоминаются площади Маяковского, Восстания, Смоленская, Октябрьская и Добрынинская. Площади во всю ширину перегорожены надолбами и мешками с песком. Налеты авиации так часты, что воздушную тревогу не успевают объявлять. Бомбы падают на Садовом кольце на дом Шаляпина, на Патриарших прудах, на Арбате. По Садовому кольцу выстроены зенитные орудия. Формирование колонн, отправляющихся на фронт, проходит прямо на Садовом кольце.

На оборону Москвы прибывают части с Дальнего Востока, из Средней Азии и Сибири. Это стало возможным по-

сле того, как Япония отказалась от идеи вступления в войну против СССР. Именно сибирские и дальневосточные части проходят на параде 7 ноября. Здоровенные ребята, кадровые войска. Наша кадровая армия, встретившая наступление немцев, к этому времени вся перебита. И вот теперь эти войска с Дальнего Востока. Сытые, обученные.

К концу ноября минируются и готовятся к подрыву 12 московских мостов, городские электростанции, вокзалы, здания Центрального телеграфа, ТАСС, Большой театр, Дом Союзов.

2 декабря немцы подтягивают орудия для обстрела города в район Крюково. Это всего в 11 километрах от нынешней кольцевой дороги.

Писатель Аркадий Первенцев в это время пишет:

«Настало время, когда единственным спасителем мог бы явиться Бог, но мы атеисты. Вся надежда на Сталина».

Аркадий Первенцев ошибался.

5 декабря 1941 года от последнего рубежа перед Москвой начинается контрнаступление наших войск. Единственный стратегический резерв этого контрнаступления – кровь и жизнь советских солдат.

Из письма немецкого солдата к родным:

«Русские при наступлении используют огромное количество живой силы, которую командование упрямо вводит в бой и этим добивается успеха.»

Русские всегда славились своим презрением к смерти. Коммунистический режим еще более развил это качество. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на потери. Причем третья и четвертая будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием. Пехота идет в атаку в сомкнутом строю. Она появляется словно из-под земли и идет как лавина. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполняются. Волны пехоты катятся одна за другой по ковру трупов. Отражение такой атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы».

Битва под Москвой – наша первая победа. В сводках впервые появляются имена генералов, командующих победоносными армиями под Москвой. Вместо слов «войска командира Р.» теперь произносится «войска под командованием Рокоссовского». Повсеместно звучат имена Конева, Говорова, Кузнецова, Лелюшенко. Громче всех звучит – Жуков. Победа будет стоить нам 926 244 человека безвозвратных потерь. Почти миллион. Сухой термин «безвозвратные потери» означает убитые и пропавшие без вести. Соотношение наших и немецких потерь – три к одному. Раненые в этой грандиозной битве идут отдельной строкой. Их 879 679 человек.

*В нас есть суровая свобода,
На слезы обрекая мать,*

*Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.*

Константин Симонов

Победа под Москвой – это первый шаг народа к бессмертию, к победе в страшнейшей войне. Победа под Москвой – это срыв блицкрига, крах идеи молниеносного разгрома России. Германия вынуждена перейти к затяжной войне. Но это означает, что война только начинается.

Симонов возвращается в Москву с Северного фронта в день начала контрнаступления, 5 декабря. Он пишет:

«Пробыв в Москве всего час, я уже почувствовал, что ее действительно никогда не отдадут».

9 декабря Симонов должен был прочитать по радио несколько военных стихотворений. В их числе еще не напечатанное «Жди меня». Он безбожно опаздывал на радио.

Когда прибежал, диктор читал уже третье из четырех отобранных для передачи стихотворений. Оставалось только «Жди меня». Симонов пишет:

«Я показал диктору жестами, что буду читать сам, потянул у него из рук лист со стихотворением, и ему осталось только объявить, что „Жди меня“ будет читать автор. Сам не помню, как я тогда прочел его».

Зимой 1941-го он хотел, чтобы Валентина Серова слышала, что он жив. Чтобы слышала его живой голос.

Симонов – Серовой:

*Я здесь с тоской делиться не хочу,
Свое ты редко здесь услышишь имя,
Но если я молчу – я о тебе молчу,
И воздух населен весь лицами твоими.*

Симонов – Серовой:

*Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться.
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.*

За годы войны Симонов был в командировках и на Северном фронте, и на Южном. Он был в Сталинграде. Он видел встречу с союзниками на Эльбе. И штурм Берлина. Он присутствовал в Карлсхорсте при подписании капитуляции.

У него не было поводов испытывать стыд за себя на войне. Война была коротким временем совпадения его личной веры с общей верой и с государственной идеологией. После войны было 34 года совсем другой жизни. В день своего 50-летия Симонов скажет:

«Не все в моей жизни я делал хорошо. Я это понимаю. Не всегда был на высоте, на высоте гражданственности, на высоте человеческой. Бывали в жизни вещи, о которых я вспоминаю с неудовольствием, когда я не проявлял ни достаточной

воли, ни достаточного мужества. И я это помню».

В своей последней работе, которая написана за полгода до смерти и которая называется «Глазами человека моего поколения», Симонов скажет о времени довоенных и послевоенных репрессий:

«Это время, которое, если быть честным, нельзя простить не только Сталину, но и никому, в том числе и самому себе».

Сын Константина Симонова, Алексей Симонов, в предисловии к последней работе отца напишет о послевоенном сталинском времени и об отце в этом времени: «Ему грозило полное смещение внутренних нравственных ориентиров, которые отличают талант от посредственности».

После войны в стране, победившей фашизм, Сталин сдвигает абсолютно фашистскую тему – антисемитизм. В СССР это называется борьбой с космополитизмом. Симонов, выходец из старой русской дворянской семьи, никогда антисемитом не был. И в своих товарищах Симонов ценил неприятие антисемитизма.

Отмечал это отдельно. Симонов пишет:

«Сурков органически презирал и ненавидел антисемитизм как явление и антисемитов как его персональных носителей, не скрывал этого и был последовательнее и смелее меня и Фадеева».

В 1949 году Симонов делает доклад о писателях-космо-

политах. То есть доклад против писателей-евреев по национальности.

Алексей Симонов пишет: «Доклад должен был делать секретарь Союза писателей Фадеев, который ушел от ответственности привычным способом: он впал в запой. У Фадеева в Союзе писателей было два зама – Симонов и Софронов. Софронов готов был сделать этот доклад. Но было известно, что Софронов к спущенному сверху списку космополитов с удовольствием добавит еще десяток-другой фамилий им самим ненавидимых литераторов. И доклад взялся делать Симонов. И сделал. А потом тайком подкармливал некоторых фигурантов своего доклада. Так как к литературной работе их после этого доклада уже не подпускали».

В 1960 году в глухой узбекской провинции в Ангрене в каком-то клубе у Симонова будет творческий вечер. В зале соберется много народу. Он будет своим обычным тихим голосом читать военные стихи. «Ты помнишь, Алеша», «Жди меня», «Если дорог тебе твой дом». Потом вопросы из зала. Первый вопрос: вы еврей?

В 66-м Симонов пишет индивидуальное письмо против реабилитации Сталина. А в 73-м подписывает коллективное письмо против Солженицына. Но в 74-м, когда летит из Испании, в руках у своей переводчицы увидит «Архипелаг ГУЛАГ». Скажет: «Вам не дадут провезти. Давайте мне». Провез. В Москве вернул. Симонов был против издания «Доктора Живаго» Пастернака. Но пробивает публикацию булга-

ковского «Мастера и Маргариты». Помогает пробивать спектакли в «Современнике» и в Театре на Таганке, содействует кинематографической судьбе Алексея Германа. И все годы думает и пишет о Сталине и его времени. Это огромный симоновский труд по преодолению собственных заблуждений. И главное, Симонов помогает решать житейские проблемы бывшим фронтовикам: больницы, квартиры, протезы, очки, неполученные награды.

К счастью, его никогда не называли крупным советским поэтом. Он был просто Симонов. И это большая литературная удача. Свой лучший цикл военной лирики «С тобой и без тебя», посвященный Серовой и начатый в 41-м, Симонов заканчивает в 1954 году:

*Упреки поздно на ветер бросать.
Не бойся разговоров до рассвета.
Я просто разлюбил тебя. И это
Мне не дает стихов тебе писать.*

1942

1942-й – самый отчаянный год войны. Захлебнувшееся наступление под Москвой, сдача Крыма, кровавый котел под Харьковом, отступление до Кавказа и Волги. 1942-й – год самых страшных человеческих потерь.

В Москве 1942 год начинается с оптимистической ноты. В результате контрнаступления в декабре 1941 года немцы отброшены от столицы. К началу 1942-го Сталин уже пережил два собственных кризиса: один – в момент начала войны, второй – когда немцы подошли вплотную к Москве. Кризисы в прошлом. Сталин поглощен аналогией с 1812 годом: враг разбит, теперь его надо преследовать и окончательно разгромить. После победы под Москвой Сталин теряет всякий интерес к вопросу об открытии Великобританией и США второго фронта. С 16 по 20 декабря 1941 года в Москве с визитом находится министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Всего через десять дней после начала советского наступления под Москвой Сталин на переговорах с Иденом начинает разговор о послевоенном мироустройстве. Сталин требует от Англии признания довоенных западных границ СССР, то есть подтверждения территориальных приобретений, полученных СССР в соответствии с секретными протоколами к договору между СССР и гитлеровской Германией. Если Англия согласится подтвердить

советские завоевания в Восточной Европе, то Сталин готов снять требование об открытии второго фронта. Сталин говорит: «Наши войска могут в близком будущем вновь занять Балтийские государства». Через две недели, 5 января 1942 года, в Ставке обсуждается план общего наступления Красной армии. Суть плана излагается 10 января 1942 года в сталинском директивном письме: «Обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Сталин действительно планирует закончить войну в 42-м. Вспоминает генерал-полковник Белов:

«В Ставке ослабло критическое отношение к обстановке, многое представлялось в слишком розовом цвете. Разрабатывая гигантские планы, Ставка не учитывала реальную действительность».

К середине января Красная армия переходит в наступление на тысячекилометровом пространстве от Балтийского моря до Черного. 23 февраля 1942 года Сталин в праздничном приказе пишет:

«Инициатива теперь в наших руках. Потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии».

Главная советская операция – стратегическое наступление с целью полного разгрома немецкой группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском плацдарме. Участвуют войска Западного фронта, командующий Жуков, и Калининского фронта, командующий Конев. Это продолжение контрна-

ступления, начатого под Москвой 5 декабря 1941-го. Продолжение без паузы. Войска без отдыха.

Гитлер потрясен событиями под Москвой, он отстраняет фельдмаршала Браухича и берет на себя непосредственное руководство сухопутными силами. И его не отпускают мысли о судьбе наполеоновской армии.

Зима, отсутствие быстрой победы, моральный слом. У Гитлера ощущение, что его войска на грани наполеоновской катастрофы. Его первый приказ – о запрещении самовольного отхода. Стоп-приказ. Для Гитлера 1942 год – последний шанс овладения Россией. Соединенные Штаты уже вступили в войну. Пока они поглощены собственными проблемами с Японией и, хотя оказывают СССР существенную материальную помощь, еще не открыли второй фронт. Но вскоре против Гитлера заработают две трети мировой промышленности и сырьевых ресурсов. И эта простая арифметика будет означать неминуемое поражение Германии. 1942 год – последний шанс на выигрыш.

В январе 1942 года температура минус 35–40. Снегопады. Снег до метра глубиной. Такой зимы в России не было 140 лет.

Советское контрнаступление идет без пауз весь декабрь. Освобождены:

7 декабря – Яхрома

8 декабря – Красная Поляна

11 декабря – Истра

14 декабря – Ясная Поляна

15 декабря – Клин

16 декабря – Калинин

19 декабря – Таруса

20 декабря – Волоколамск

26 декабря – Нарофоминск

30 декабря – Калуга

17 января – Руза

20 января после трехдневного штурма взят Можайск.

22-го отбита Уваровка – последний опорный пункт немцев на территории Московской области.

Ржев, в 200 километрах от Москвы, возьмут только в марте 43-го. В битве за Ржев погибнет почти полмиллиона.

В январе 1942-го наши войска, наступающие от Москвы, измотаны. Запасы продовольствия ограничены. Наступление выдыхается. Однако 29 января командование Западного фронта ставит задачу – «наступательными действиями продолжать изматывать противника».

В мемуарах маршала Рокоссовского, издания 1990 года, будет комментарий к той поставленной задаче. В предыдущих изданиях этот комментарий был изъят. Рокоссовский пишет:

«Наступательными действиями мы изматывали свои войска во много раз больше, чем вражеские. Это изматывание было выгодно противнику, а не нам».

Маршал артиллерии Воронов невесело пошутил:

«Наше счастье, что силы советского тыла неисчислимы».

1 февраля Ставка требует завершения разгрома группы армий «Центр». Задача эта решена не будет. В учебниках по военному искусству Ржевско-Вяземская операция называется «незавершенной». Маршал Рокоссовский назвал ее «наступательной затеей». «Наступательные бои, – вспоминал он, – пожирали людей, как пламя сухую траву». Жуков в 1966 году на встрече в редакции «Военно-исторического журнала» скажет:

«Ну, шапка была набекрень у всех тогда – и я недооценил состояние Вяземской группировки противника».

Общие потери Калининского и Западного фронтов с 8 января по 20 апреля 1942 года составили 776 тысяч 889 человек. Калининский фронт Конева положен практически целиком. 341 тысяча 227 погибших. Остальные 435 тысяч 662 человека погибли на Западном, Жуковском, фронте.

20 апреля Ставка приняла решение о переходе Западного и Калининского фронтов к обороне.

Немецкий генерал Гальдер 20 апреля записал в дневнике: «Обстановка: поразительно спокойно».

Неделей раньше, 12 апреля 1942 года, Клавдия Шульженко впервые исполнила песню «Синий платочек» с новыми словами. Песня эта довоенная, автор музыки Ежи Петер-

бургский – поляк, оказавшийся в СССР после раздела Польши по пакту Молотова—Риббентропа. Ему же принадлежит и знаменитый романс «Утомленное солнце нежно с морем прощалось». До войны «Синий платочек» исполняли Лидия Русланова и Изабелла Юрьева. Шульженко этот предвоенный хит из чужого репертуара исполнять категорически отказывалась.

В 42-м на Волховском фронте к Шульженко подходит 22-летний лейтенант Михаил Максимов и, краснея, говорит, что написал новые слова для «Синего платочка». Она обещает почитать. Шульженко обладала поразительным чутьем, ощущением того, что необходимо ее слушателю. Она исполнила песню в тот же день, как прочитала стихи. Через месяц вся передовая и весь тыл знает эту новую песню. Командиры рот, совсем мальчишки, уже поднимают на штыках куски синего полотна и с криком «За синий платочек!» идут в атаку. Что касается крика «За Родину! За Сталина!», то солдаты так никогда не кричали. Солдаты, поднимаясь в атаку, кроме матерных слов, ничего не кричали. А вот командирам и политработникам, поднимавшим их в атаку, было приказано выкрикивать официально утвержденный лозунг – и никаких вариаций, никакой отсебятины, только «За Родину! За Сталина!». Так что подниматься в атаку «За синий платочек» – это политическое преступление.

В блокадном Ленинграде Клавдия Шульженко с мужем, известным эстрадным артистом Владимиром Коралли, с от-

цом и сыном живут в подвале Дома офицеров. Здесь проживут до середины 1943-го года, отсюда ездят на концерты. До войны Шульженко с мужем возглавляли джаз-оркестр. С началом войны коллектив становится Ленинградским фронтовым джаз-ансамблем. Все артисты аттестованы как добровольцы. Всем выдана военная форма. На одном из первых же фронтовых концертов у летчиков Шульженко попросили, чтобы она выступала в своих концертных платьях, как до войны.

С первых же концертов на передовой выяснилось, что слушатели, которым через несколько часов предстоит идти на смерть, больше всего хотят слушать лирику. Лирика была коньком Шульженко, за это ее любила публика и за это же к ней была недоброжелательна критика. И до войны, и долго после войны. Классиком эстрады Шульженко сделают очень поздно, в конце 60-х.

Шульженко говорила: «Не могу я петь „Широка страна моя родная”».

Поэт Павел Леонидов, автор многих песен Шульженко, пишет: «Она героическая актриса, раз ей удалось все пятьдесят лет петь только про любовь».

В Ленинграде Шульженко дебютировала не где-нибудь, а в Мариинке. Это был сборный концерт 5 мая 1928 года. Цвет ленинградской культуры. После танца уже знаменитого Вахтанга Чабукиани конференсье объявил: «Товарищи! У меня для вас сюрприз. В Харькове я отыскал совершен-

но необыкновенную девушку. Впервые и единственный раз, проездом, – Клавдия Шульженко!» Она спела шесть песен. Зал словно взбесился. Она смущенно выходила на поклон. Тогда еще не родился ее знаменитый глубокий, фирменный в пояс поклон. Высокий молодой человек за кулисами сказал ей с улыбкой: «Уж и не знаю, как после вас выступать. Предупреждать надо». Это был Николай Черкасов.

Потом она пела в кинотеатре «Титан». На Невском. Тогда это была серьезная работа. Выступали артисты с именами. Публика часто шла больше на концерт, чем на фильм. Шульженко тогда не любила кино. Обожала только Чаплина. У Шульженко появилась своя публика. На афишах ее имя печаталось крупными буквами. Сложились дружеские отношения с Утесовым. Иногда по вечерам играли в преферанс с Утесовым и 24-летним Дмитрием Шостаковичем. Шостакович был самым азартным в этой компании. Он пишет для нее две песни: «Ах, как приятно вечерком» и «Милый, видишь там и тут». А потом Утесов решил, что Шульженко должна сняться в главной роли в фильме «Веселые ребята». Но, как известно, звездой этого фильма и советского кинематографа стала совсем другая женщина.

За год до войны преддипломную практику в Ленинграде проходит студент операторского факультета Государственного института кинематографии 22-летний Жора Епифанов. Купив лишний билетик, он попадет на спектакль «Скорая помощь» в сопровождении джаз-ансамбля Шульженко и Ко-

ралли. Сюжет спектакля показался молодому оператору глупым. Он собрался уходить. Но тут на сцене появился огромного размера патефон, крышка открылась. На медленно вращающемся диске – стройная молодая женщина в темном платье, обтягивающем ее отличную фигуру, со светлыми короткими волосами. Она улыбалась зрителям, а потом запела. Она делала неожиданные паузы, иногда почти шептала. Зал слушал, замерев. Епифанов поинтересовался, кто такая Шульженко. Его не поняли. Она уже была гордостью Ленинграда.

Епифанов стал скупать ее пластинки. А потом рискнул отправить ей открытку и поздравить с Днем Военно-морского флота. Открытки со своими инициалами «Е. Г.» он будет посылать ей 17 лет. И во время войны, когда будет фронтовым кинооператором. Они встретятся в 1957 году. И у них будет семь лет очень яркой, поздней любви. Через двенадцать лет после их разрыва, 10 апреля 1976 года, состоится последний концерт Шульженко – в Москве, в Колонном зале. Она выйдет с платком синего цвета, зал встанет и семь минут будет аплодировать. Знатоки говорят, этот концерт был лучшим за 50 лет ее жизни на эстраде. Без всяких скидок на возраст. В ложе сидел Утесов. Епифанов сидел в ложе для телевизионщиков. Она пела песню на стихи Евтушенко «А снег повалится». Мужчины в зале плакали, опустив седые головы, женщины с восторгом смотрели на нее в ее голубом платье. Епифанов едва не потерял сознание. Она сделала свой

невероятно пластичный поклон. Епифанов выскочил из зала. Она запела свою знаменитую песню «Три вальса».

«Помню первый студенческий бал...» – произнесла она, взглянула туда, где сидел Епифанов, не увидела его и забыла текст. И забормотала что-то. Она забыла текст песни, которую пела двадцать с лишним лет, потому что вдруг не увидела его в зале. Кто-то мог подумать, что это было первое проявление старости. Но это не было никакой старостью. Она уже пела дальше. Епифанов вернулся в зал, сидел и думал, что в 70 лет так петь невозможно.

Впервые Клавдия Шульженко поет «Синий платочек» для тех, кто работает на дороге, идущей по Ладожскому озеру из блокадного Ленинграда на Большую землю. Спустя годы академик Дмитрий Лихачев напишет, что «эту ледовую дорогу называли „дорогой смерти“, а вовсе не „дорогой жизни“, как сусально назвали ее наши писатели впоследствии». Немцы ее держали под обстрелом, дорогу заносило снегом, машины проваливались в полыньи. В одних машинах – женщины, в других – дети. Бывало, машина с детьми проваливается под лед.

Дети тонут. Машина с женщинами объезжает полынью и мчится дальше, не останавливаясь. Несчитано людей здесь погибло, несчитано сошло с ума.

Блокада началась 8 сентября. В тот вечер над городом поднялось замечательной красоты облако. Оно росло и розовело в лучах заката. Это было облако муки. Потом его заво-

локло дымом горящего масла. Это немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады. После пожара было объявлено, что погибла основная часть продовольственных запасов города. Резко вводятся ограничения на распределение продуктов. Хотя Бадаевские склады не единственные в городе.

В первые месяцы войны была реальная возможность пополнить продовольственные запасы города. Микоян, отвечавший за снабжение армии продовольствием, пишет: «Многие эшелоны, шедшие на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку их адресаты оказались на захваченных врагом территориях. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград».

В это время Сталину позвонил секретарь Ленинградского обкома Жданов. Жданов сказал, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним продовольствие сверх плана. Микоян пишет: «Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия». Их – то есть Жданова.

2 сентября рабочая норма хлеба – 600 граммов, детская – 300

9 сентября рабочая норма – 500 граммов хлеба, детская – 300

1 октября рабочие получают 400 граммов, все остальные – 200

20 ноября рабочая норма хлеба – 250 граммов, для

Осенью 1941-го город наполняется новыми людьми: в него бегут из пригородов. Крестьян в город не пускают. Крестьяне стоят кольцом вокруг города вместе со скотом и плачущими детьми. Ленинградцы сначала ездили к ним за молоком и мясом. К зиме 1942 года все эти люди вымерзли. Потом вымерзли те беженцы, которые пришли без вещей и которых пустили в школы и общественные здания.

Потом умирают те, кто переместился из южных районов города. Была в Ленинграде такая «внутренняя эвакуация». Немцы внезапно подошли к Путиловскому заводу. Семьи рабочих рано начали голодать. У них не было ничего, на что можно было бы выменять дополнительную еду. И они быстро умерли.

Хорошо живут дворники. Они забирают карточки у умирающих, получают их на эвакуированных, собирают вещи в опустевших квартирах, меняют их на еду.

Когда немцы подходят вплотную к Ленинграду, начинается смертельная паника среди еврейского населения. Предшествующая эпоха доносов дает о себе знать. Проявляется страх перед соседями, перед коллегами по работе. В буфете Пушкинского Дома, где общаются и пьют кипяток, известный специалист по русской литературе XVIII–XIX веков Григорий Гуковский неожиданно громко начинает рассказывать, что по матери он русский, что он православный. Страх становится болезненным. Филолог Александр Израй-

левич Грушкин появляется в буфете в фуражке набекрень, в рубахе, подпоясанной кавказским ремешком, отдает всем честь. Говорит, что может выдать себя за армянина.

Немецкая разведка вплоть до зимы 1941 года сообщает о росте антисемитизма в Ленинграде, о случаях нападения на женщин-евреек в очередях за хлебом и о пассивности милиции, которая предпочитает не вмешиваться. Антисемитизм – крайнее, животное проявление общего озлобления в городе первой блокадной осенью 1941-го. Общее озлобление настолько сильно, что власть опасается массовых выступлений рабочих. Когда начнется блокадная зима, люди останутся наедине с собой, и жизнь и смерть утратят национальную окраску.

Когда ленинградцы получали хлеб, всегда просили «довесочки». Эти довесочки тут же съедали. Развилось особое блокадное воровство. Особенно страдали от голода дети. Мальчишки выхватывали у людей полученный хлеб и даже не пытались бежать. Они падали на хлеб и ели, ели, ели. Настоящие воры поджидали в подъездах. Они отнимали продукты, карточки, паспорта. Кроме того, появились банды организованных спекулянтов. В основном из служащих торгово-снабженческих организаций. Управление НКВД по городу Ленинграду фиксирует содержание писем ленинградцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.